Произведения лауреатов и дипломантов Четвертого открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Поэзия»

Номинация «Поэзия» 2025

Первое место (золото) и звание лауреата:
Нурдинов Альберт Рашидович (персональный номер участника - 825)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Владимирова Екатерина Леонидовна (829)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Подольский Сергей Викторович (563)

Звание дипломанта конкурса:
Ильин Александр Анатольевич (556)
Костенок Павел Иванович (507)
Майоров Виктор Владимирович (532)
Коршунова Ольга Валериановна (470)
Белый Константин Владимирович (581)
Леонтьева Светлана Геннадьевна (575)
Шереверов Владимир Иванович (Владимир Веров) (662)
Погорельцева Юлия Анатольевна (684)
Петров Александр Васильевич (649)
Поляков Борис Борисович (467)

Нурдинов Альберт Рашидович – родился в 1965 году в городе Свердловск (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский Политехнический Институт (УПИ). Инженер – механик. Печатался в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат (победитель и призёр), финалист и дипломант нескольких десятков международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов, в том числе: Межрегионального конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» (2021, 2022 – серебро), конкурса им. Всеволода Остена (2021 - серебро, 2022 - золото и 2023 – 2 серебро), конкурса им. Константина Бадигина (2022, 2023 – 2 место). Живёт в городе Екатеринбург.

Баллада о рыжей собаке

Мне не забыть, как шли мы в наступленье,
Как гнали немцев прочь с родной земли.
Они же, отступая, жгли селенья.
Фашисты лютовали, как могли.
Следы их злодеяний ежедневно
Встречали мы, сжимая кулаки.
…В тот летний день наш полк вступил в деревню,
Стоящую вдоль маленькой реки.
Нас жажда после боя донимала.
Пошли с дружком на поиски воды.
Пожарищ свежих встретили немало –
Свидетелей промчавшейся беды.
Был тот далёкий день от солнца светел,
Округу заливал июльский зной.
Вошли во двор, в котором друг приметил
Колодец – необычный, расписной.
Открыв калитку из ажурной стали,
Мы сделали три шага по двору,
И оба, точно вкопанные, встали,
Про жажду позабыв и про жару.
У самого колодца, спину сгорбив,
Лежал старик, подмяв собой траву,
И взор его, угасший, полный скорби,

Направлен был куда-то в синеву.
К ноге его прижалась тощим телом
Лохматая собака и в упор
С такою безысходностью глядела,
Что взгляд её я помню до сих пор.
Потом она, с травы вскочив неслышно,
Рысцою пробежала по камням
К избе с крыльцом, накрытым кроной вишни,
И замерла вполоборота к нам.
Молчала… но её два карих глаза
Смотрели с затаённою мольбой...
Понять тогда сумели мы не сразу,
Что нас звала собака за собой.
...Лишь дверь открыли в хату, с тихим воем
Дворняжка пронеслась из-за спины.
Вошли и видим: мать и деток двое –
Лежат, обнявшись, около стены.
Две девочки в залитых кровью платьях,
На младшенькой надет цветной чепец.
Пыталась мать укрыть детей в объятьях,
Но всех настиг безжалостный свинец!
Стояли мы, не в силах шевелиться,
Не в силах проглотить застрявший ком;
Смотрели, как девчушкам этим лица
Собака лижет мокрым языком,
Как трётся о хозяйки мёртвой руку
То правою, то левою щекой…
Не высказать словами нашу муку –
Нас захлестнуло гневом и тоской!
А рыжая дворняжка вдруг завыла,
К нам с другом повернувшись головой;
И мне, признаюсь честно, жутко было:
Так был на плач похож протяжный вой...
…До первых звезд копали мы с бойцами
Могилы на окраине села
И опускали в них, скорбя сердцами,
И взрослые, и детские тела…
А утром полк продолжил наступленье,
Лишь только солнца свет рассеял тьму.
Нас подгоняло общее стремленье
Настичь врага и отомстить ему!
Мы строем выходили на дорогу,
Мой друг шагал немного впереди.
Вдруг он застыл, мне наступив на ногу,
И обернувшись, прошептал: «Гляди!»
Я бросил взгляд – и сердце вновь сдавило:
Так ясно, несмотря на тусклый свет,
Увидел я сидящий над могилой
Знакомый мне лохматый силуэт.
…Нам повезло: мы оба уцелели!
Я возвратился к дочкам и жене.
Но сколько раз я вскакивал с постели:

Тоскливый вой терзал меня во сне!
С тех пор прошло немало лет, однако,
Нам с другом не забудутся вовек
Тот летний день и рыжая собака,
Что плакала навзрыд, как человек…

О белых журавлях

Даже небо, в отблесках зарниц,
В День Победы выглядит иначе:
В нём так много странных белых птиц,
И кричат они, как будто плачут.

Это души в виде журавлей
Шлют живущим голос свой негромкий:
«Всех нас – с кровью залитых полей
Не пришедших – помните, потомки!»

Эти крики сердце бередят,
Люди замирают, зубы стиснув:
Сколько их, молоденьких солдат,
Головы сложили за Отчизну!

...Клин поднялся к белым облакам,
Голос птиц едва доносит ветер.
«Люди, мы с небес взываем к вам, –
Вы за этот мир теперь в ответе!»

Владимирова Екатерина Леонидовна - родилась в Москве 22 мая.

Человек всю жизнь пишет, главная тема – гражданская лирика, обозначилась как главная именно в последние годы, и это составило основной смысл творчества. Публиковалась во множестве альманахов, в 2024 году выпустила сборник «Поэзия военного времени». Является финалистом и лауреатом многих литературных конкурсов.

Живёт в г.о. Серпухов Московской области.

Фронтовые были

Быль первая

– Вот ещё такой был случай, –
Мне товарищ рассказал. –
Шёл к своим. Стреляли кучно.
Я порядком заплутал.

В полутьме не разобраться:
Те же виды тут и там.
И пришёл я прямо, братцы,
На позицию к хохлам.

Вижу – парни возле хаты
С автоматами стоят.
Слышу – русские ребята –
Все по-русски говорят.

Подхожу к бойцам поближе.
И приглядываюсь к ним.
Вдруг – врага шевроны вижу:
Ярко-желтый с голубым.

Мне уже рукою машут,
Я ж на ихнего похож.
Тут не то что б стало страшно –
Надо что-то делать. Что ж?!!

Заорал я что есть мочи:
«Рядом русские! Беги!
Уходите! Прячьтесь срочно!»
Тут же дрогнули враги

И рванули врассыпную:
Кто за стенку, кто в подвал.
Это я теперь шуткую:
Мол, хохлов перепугал.

Я-то сам рванул обратно,
На позицию к своим.
В общем, русский, как от брата,
От хохла неотличим.

Быль вторая

– Вот однажды было дело, –
Рассказал один стрелок. –
Спасся я из-под обстрела,
А легко погибнуть мог.

Нас обстреливали чётко.
Забегаем мы в блиндаж.
Тут хохол прямой наводкой
Попадает в бункер наш.

Вход завален и разрушен –
Связи нету. Темнота.
Преградила путь наружу
Нам бетонная плита.

Все на месте. Живы, братцы!
Но едва жива душа.
И никак не откопаться.
Из родного блиндажа

Руки-ноги целы, вроде.
Время тянется, как год.
Наконец до нас доходит:
Здесь никто нас не найдёт

И когда ты понимаешь,
Что могилой стал блиндаж.
Слышу: рядом мой товарищ
Произносит: «Отче наш...»

И представьте: не успел я
Вслед за ним сказать «аминь» –
Слышим: снова прилетело
За души моей помин.

Что-то с шумом обвалилось.
Мы зажмурили глаза.
А открыли – Божья милость!
Сверху светят небеса.

В потолке пробило двери,
Чтобы мы могли пролезть.
Я теперь, ребята, верю:
Бог на свете точно есть.

Пушкинское

Кидали Пушкина в костёр.
И Гоголя. И Льва Толстого.
И говорили: с этих пор
Нет языка у нас. Есть – мова.

Смеялись, глядя, как в огне
Страница гибла за страницей.
Язык был жертвой в той войне.
Он – русский. Значит – не годится.

Кидали Пушкина в огонь.
Он русский. Потому – повинен.
И вскидывалась вверх ладонь
Под крики «Слава Украине!»

Наутро пепел русских книг
Топтали бешеные берцы.
Но выше тленья и интриг
Взлетел их дух. Их суть. Их сердце.

И с лёгкой пушкинской руки
В совсем не пушкинское время
Врагам златые петушки
Садятся ФАБами на темя.

И бравый дядька Черномор

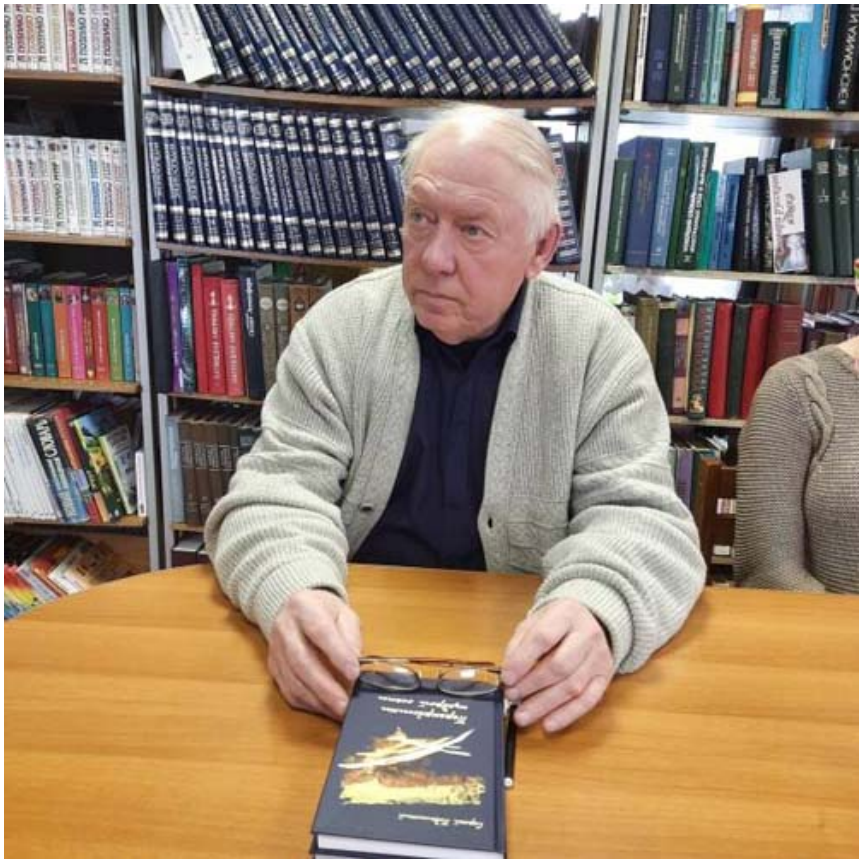
Выводит свой десант из моря
И ставит русский триколор
На европейском договоре.

И чтоб никто из палачей
Не смог глумиться, жечь и вешать –
Семь благородных усачей
Идут свою десницу тешить

И знают, что убьют войну
И снимут шлемы и разгрузки...
Тогда разбудим тишину,
Чтоб говорить опять по-русски.

Но будет в памяти людской
Прививкой пушкинского духа,
Как стать владычицей морской
Хотела глупая старуха.

Подольский Сергей Викторович – родился в 1950 году в Башкирии. Окончил Уфимский нефтяной институт по специальности «Горный инженер». Поэт. Член литературных объединений «Сиверское братство», «Союз писателей Санкт-Петербурга и Ленобласти» (Павловск), «Среда» (Смоленск). Член СРП. Живёт в г. Уфа.



Солдатский долг

Нам было совсем не до смеха!
То слева, то справа снаряд.
И рота гвардейцев – морпехов
С высотки скатилась назад.
Был плотным огонь. Не подняться!
Не взять укрепления в лоб.
Услышав приказ «Окопаться!»
Я свой углубляю окоп.
Упёрлась во что-то лопата.
Осыпалась стенка, шурша.
Пробитая каска солдата,
И погнутый ствол ППШа.
Почудился запах махорки,
Поднялась бесплотная тень,
Стряхнула песок с гимнастёрки,
Поправила сгнивший ремень.
Я, вздрогнув, спросил его: «Кто ты?
Откуда? Какого полка?»
В ответ он: «Здорово, пехота!
Ты что? Не признал земляка?»
Потом с сожаленьем заметил:
«Обидно, ребята, за вас.
Погибли мы здесь в сорок третьем

В тяжёлых боях за Донбасс.
За то, чтобы мирно вы жили,
Нам жизни не жалко отдать.
Но фрицев, видать, не добили.
Придётся теперь добивать».
Кисет протянул: «Угощайся.
Не куришь махорочки ты?
Пора нам, браток. Поднимайся,
Прогоним врага с высоты».
От пули собой заслоняя,
Бежал, не сгибаясь, солдат.
И гулко свой голос вплетая,
Звучал и его автомат.
Высотку тогда эту взяли.
Так в этом неравном бою
Мы рядом незримо шагали
В одном поредевшем строю.

Перекличка

Проснусь на заре по привычке,
И вдруг посреди тишины
Услышу слова переклички
Давно отгремевшей войны.
«Смирнов, Никоненко, Гловацкий,
Алиев, Майоров, Долгих».
Вы всё разделили по-братски:
Смерть, славу и память живых.
Откинув гранитные плиты,
Нарушив могильный покой,
Встают батальоны убитых,
Что стали землей и травой.
Шеренги застыли поротно
Под гранями ржавых штыков
Мальчишек ещё желторотых
И белых, как лунь стариков.
Кто в танке остался подбитым,
Кто пал в рукопашном бою –
Никто не остался забытым,
Исполнив присягу свою.
Весенним дождём, не смолкая,
Негромко звучит над Землей:
Ребров, Иванов, Серкинбаев,
Долидзе, Скиба, Бережной.

Один день войны

Кровавой полоской восхода
Туч серых разрезан свинец.
Один из погибшего взвода
Остался у пушки боец.
Какая по счёту атака?
Притих за спиной Могилёв.
Вновь лязганье танковых траков,
Моторов раскатистый рёв.
Сгорала в огне деревушка,
И танки рвались на простор.
Но всё ж одинокая пушка
Стреляла по немцам в упор.
В горниле гремящего ада
Наводчик упрямо твердил:
«Ну, что? Не понравилось, гады?
Давай, немчура, подходи»!
Атака под вечер отбита.
Пылает багровый закат.
На поле с нескошенным житом
Немецкие танки дымят.
Лизало ленивое пламя
Борта с ненавистным крестом.
Присел на лафете устало
Боец с закопчённым лицом.
Взять город врагу не позволим.
В смертельном бою устоим.
Ведь сплав из отваги и воли
Покрепче фашистской брони!

Ильин Александр Анатольевич – родился 17 мая 1958 года. Не только яркий поэт (сборник стихов «Не забывайте!»), но и известный на Дону художник, работающий в непростой технике: лак, стекло, эмаль.

Живёт в г. Ростов-на-Дону.

Нежность

Мы обрезали косы, чтоб легче надеть было каски.
Мы состригли все ногти, чтобы тверже курок нажимать.
Мы вчера ещё в куклы играли и слушали сказки,
А сегодня на фронте стараемся выжить, и не умирать.
Мы живем в непривычных солдатских одеждах.
Вместо туфелек – в грубых мужских сапогах.
Никогда мы не станем такими, как прежде.
Жесткий ветер войны стёр улыбку на наших губах.
Ах, как хочется голову вымыть, но мы перешли в наступленье.
Ах, как хочется книгу прочесть, за три дня было девять атак…
И так хочется сладкого, сладкого хочется до исступления.
И, конечно же, хочется спать, очень хочется спать просто так.
Чтоб не слышать разрывы гранат, там, где бой не затих на окраине.
Злобный лай пулеметов, с командами до хрипоты,
И простуженный мат, вперемешку со стонами раненых.
Чтобы снились прогулки по парку и то, как нам дарят цветы…
После крайней атаки на треть поредевшая рота,
Проведет перекличку и снова отправится в бой.
Пока длится война, это наша судьба и работа,
Но не мы выбирали – мы выбраны этой судьбой.
Мы вернемся не все, и когда доберемся до дома,
Мы не встретим любимых парней, не пришедших с войны.
В новой жизни для нас всё окажется вдруг незнакомым,
Будем жить, раз остались в живых, с горьким чувством вины.
И в саду городском, перед клумбой с весёлым фонтанчиком,

Где гранитные плиты на землю сырую легли,
Мы цветы принесём для своих не вернувшихся мальчиков,
Потому, что они подарить нам цветы не смогли…
Как хотелось нам нежности…

Ветер

Не похоронят меня с помпой,
Какие б не прошли года…
Меня, разорванного бомбой,
Не похоронят никогда!..
Я соль земли, кусочек неба,
Я вкус воды, росы глоток.
Я явь и в то же время небыль…
Я переброшенный мосток.
Я вечер над седой равниной,
Я утром – пелена дождя.
Я вечно призрачный и мнимый,
Но верю, что погиб не зря.
И нет меня под обелиском,
И стерся в памяти людской.
Но я живу, я в этих листьях,
Что ветер шевелит с тоской…
Я звон пчелы, ручья журчанье,
Я дальний колокольный звон.
Стучусь в сердца, стучу отчаянно,
Я в воздухе со всех сторон!

Я возрожденье с увяданьем.
И лист опавший, и росток.
И утвержденье с отрицаньем,
И курс на запад и восток.
Я суть восхода и заката
Я смена времени и дат.
Я на войне убит когда-то,
Не похороненный солдат!

Роща

Рано утром, на речной рыбалке
Звёздочку нашел в сыром леске.
Тусклая эмаль у края балки
Лучиком сверкнула на песке…

То волна от баржи проходившей,
Обвалила берега кусок,
Но пришла звезда из жизни бывшей
И сдавила памятью висок.
Удочки смотал – чего уж проще…
Молча сел и растворился тут.
Вижу, как от берега по роще
Батальоны на прорыв идут.
И тенями пробегают мимо
В свете наступающего дня.
И среди берёз встают незримо,
Воздух за собой не шевеля…
Как бойцы взбираются по склону
И как больно падают вперёд…
Рты раскрыв. Без крика и без стона
Грудью закрывая пулемёт.
И не оставляют отпечатки
Сапоги на мёрзлом берегу.
Нереальный вид жестокой схватки
Навсегда в сознанье сберегу…
Не ловите рыбу в этом месте,
И не жарьте рядом шашлыки.
Ленточку гвардейскую повесьте
В роще у излучины реки.
Пусть огнём двухцветным пламенеет,
Гордо развеваясь на ветру.
Забытьё бездарное развеет
Над звездою красной поутру.
И ходите очень осторожно –
Здесь на каждом метре кто-то пал…
И лежит в безвременье тревожном…
Эта роща – вся мемориал!..
Уходил, а мне смотрели в спину
Те, кто в этой роще полегли.
Я сюда вернуться не премину,
Просто поклониться до земли…

Костенок Павел Иванович – родился в 1967 году.

Доктор педагогических наук, профессор, возглавлял Южно-Уральский институт искусств имени Чайковского в течение четырех лет. Далее учредитель ООО НИЦ «Образовательная инициатива». Предприниматель.

Живёт в Челябинске.

Стихов нам не читайте о войне…

Стихов нам не читайте о войне –
Мы в ней живём, мы ныне ею дышим,
Давно забыв, как бродит дождь по крышам
В не знающей разрывов тишине.
Не пойте о походах и боях –
На бранном поле реквиемом сыты,
За тех молитвами, кто не убиты
В донецких искалеченных степях.
Поведайте нам лучше про любовь,
Про мамин взгляд, берёзовый околок,
Бегущий в детство памятный просёлок,
Что грезится ночами вновь и вновь.
Признательны мы будем вам вдвойне,
Когда в пришедшее отдохновенье
Хоть на одно блаженное мгновенье
Позволите забыть нам о войне.

* * *

Памяти российских военнослужащих,

Чеканит шаг армейская колонна,
Вне очереди попадая в рай,
Равнение держа, побатальонно…
– Дружище, полковую запевай!
Отчизной поступаться не пристало –
Присяге были до конца верны,
Однако нас со смертью повенчало
Пылающее зарево войны.
Идём в строю, расправив гордо плечи,
Причины нет прощальный прятать взгляд.
Солдатский путь, увы, недолговечен –
Детей своих пусть матери простят.
В небесном царстве мы не одиноки,
Хоть в нём до срока никого не ждут,
Уверены – пускай и не пророки –
Ворота в рай нам деды распахнут.
Обнимут крепко, заведут беседу
И запахом махорки обдадут,
Поднимут чарку с нами за Победу,
Украдкой слёзы горькие смахнут.
Присядем с ними там, за облаками,
Поведаем, как в детстве, обо всём.
Сверкнём по-молодецки орденами –
За дедами в бессмертие шагнём!

Майоров Виктор Владимирович – родился в 1954 году в городе Самара.

Предприниматель. Является действующим руководителем нескольких успешных компаний Самарской области.

Живёт в городе Жигулевск Самарской области.

Мы помним всё

Нас не смущают ваши укоризны,
Прищур брезгливый европейских глаз…
Мы сыновья и дочери отчизны,
Мы за Луганск, за Горловку… Донбасс

Поднимем русский меч в погибель бесам,
Георгий бережёт его эфес,
И спросим за сожжённую Одессу,
За спиленный чумой поклонный крест,

За веру, позабывшую о предках,
За боль потерь, что серебрит виски…
Мы остановим тех, кто нашим деткам
К домам бросает мины-лепестки.

Мы помним всё и будем помнить доле,
Поставим щит отцовский к образа́м…
А в парке тихом Горловской Мадонне
И доченьке её воздвигнем храм.

Тебе напомнить, строгая Европа,
Как русские войска вошли в Париж,
Как кумачовый флаг по ветру хлопал
В костях Рейхстага на обломках крыш?

И ранее мы принуждали к миру
Под вой заокеанских протеже…
Бог в трудный час даёт России силу,
Тебе же реки осушил уже.

Мы помним всё и будем помнить доле,
Поставим щит отцовский к образа́м…
А в парке тихом Горловской Мадонне
И доченьке её воздвигнем храм.

Не ходи с мечом на Русь

Пуля где-то пропоёт, в клён ударит сулицей,
Если солнышко взойдёт, снайпер долго щурился.
Мать увидела тризуб, вокруг сына – воронов,
Оттаскала бы за чуб, только руки скованы.

Как же матушке помочь справить одержимого?
Лиха враз не выгнать прочь, нужно всей дружиною
Поливать святым огнём те наколки адовы,
Накрывать гвоздикой днём, сыпать раны градами.

Не ходи с мечом на Русь, счастья не испытывай,
На лицо примеряй грусть, помолись пред битвою…
Нам ведь молний грозных пульс – что салюта всполохи,
Не несите зла на Русь, не ходите, вороги.

Русский я. Тебе же, бес, прятаться с рассветами,
Леопардам белый крест удалим ланцетами...
Не солдатик я – солдат, с плотью не из олова.
Бог не выдаст, не отдаст на съеденье борову.

Не ходи с мечом на Русь, счастья не испытывай,
На лицо примеряй грусть, помолись пред битвою…
Нам ведь молний грозных пульс – что салюта всполохи,
Не несите зла на Русь, не ходите, вороги.

Zet на рукаве

Что задумался, укроп, над руинами,
Вновь не выучил урок с Украиною?
Ты, когда Донбасс пытал, тавром жёг его,
Думал сделать мягче сталь, норов шёлковым?

Зря пометил пиксель свой лентой синею,
Пуле… – ей не разбирать отчеств-имени.
Будет вкус солёным твой, слёзы горькими
Перед «Zет» на рукаве и Георгием.

Пуля – глупая она, в сталь отлитая,
Вовсе не её вина, – грудь пробитая.
Пращур твой её пустил вострым лемехом,
Братьев он хотел спасти от изменника.

Как к стремнине льнёт трава по течению,
Мама, ты была права про значение.
Жжёт цевьё сквозь ткань, до рук, белым воинам,
Мы сломаем «волчий крюк», чтоб не стоило.

Сорок девять двести – код, кликни Волгою,
По реке свинцовой вброд к вере, вдолгую,
Отправляйся, блудный сын, в Землю русскую,
Где сапёр от ваших мин пашню лузгает…

В камень

Пламя…
Полыхнула в тенистых аллеях листва,
Стала осень-бродяга мне снова близка,
Лишь осыпала пеплом слегка у виска…
Пламя ласкает, не раня.
Ранит!
Зажигая огнём молодые сердца
Без конца… без конца.

Память…
Пусть умыл пред толпой свои руки Пилат,
«Не от мира сего» Назорей был распят,
И «одесную силы» теперь его взгляд…
Память не может не ранить.
Ранит!
Православною верой волнуя сердца
Без конца… без конца.

Знамя…
Вьётся русскою честью над воином стяг,
Его брат развенчал в сорок пятом рейхстаг,
И печатает строй пред полотнищем шаг…
Знамя. Россия за нами.
С нами!
Пламенеют в едином порыве сердца

Без конца… без конца.

Камень…
Тот, что воинов павших хранит без имён,
Здесь роняет на знамя звезду грустный клён…
Этот траур навек будет пусть заключён
В пламень, ласкающий камень.
В камень!
Пусть восходит отвага героев к сердцам
Без конца… без конца.

Коршунова Ольга Валериановна – родилась 14 февраля в п. Новая Тарья Елизовского района Камчатской области в семье офицера-фронтовика. Затем семья переехала в Пензу. Окончила факультет иностранных языков Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Преподавала в школе, затем работала на Пензенском приборостроительном заводе. Поэт, прозаик, публицист, автор 12 книг стихов и прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. Живёт в городе г. Заречный Пензенской обл.

Минное поле

Время по минному полю идёт –
В необратимой дороге.
Время не знает судьбу наперёд.
Поле-то минное! Страшен исход!
Бьёт аритмия тревоги!

Время – заложник законов: идти –
Вечная цель поневоле.
И не свернуть с рокового пути.
Даже Господь не сумеет спасти,
Если засеяно (Боже, прости!)
Минами мирное поле.

Стрелка спешит совершить оборот.
Тиканье яростно, грозно.
Время по минному полю идёт.
Как же легко жизнь отправить в расход –
Шаг, и спасать будет поздно!

Стихи с фронта

Егору Безденежных,
поэту, участнику СВО из Пензы

Так редко на фронте тихи
Зенитки и гранатомёты.
В какие ж минуты стихи
Стекают в ладони блокнота?

Привычным стал бронежилет,
И пусть бой грохочет басами,
Поэт и на фронте – поэт.
Стихи тут рождаются сами –

Как выстрел, как взрыва волна!
Прочь, косноязычия путы!
Такой вот учитель – война,
Свои «курсы» Литинститута.

Не знает никто наперёд,
Как бой жизнью распорядится,
И болью пронизан блокнот,
И кровью сочатся страницы.

Так плоть обретают стихи,
Пока сбавил бой обороты…
Жаль, редко на фронте тихи
Зенитки и гранатомёты…

Ты шагнёшь…

Ты шагнёшь на порог
и невольно замрёшь на мгновение,
Попытавшись понять,
как же снова начать мирно жить.
Слишком быстро мужает
на фронте твоё поколение.
Слишком туго войною
закручена памяти нить.

Ты шагнёшь на порог,
и война для тебя канет в прошлое,
Но потом вдруг дойдёт,
что вменить мирной жизни в вину:
Пока там, где ты был,
заметался мир смерти порошею,
Кто-то здесь пил, гулял,
и плевать он хотел на войну.

И невольно тогда
захлестнётся душа гневом праведным.
За товарищей, павших в боях,
вдруг ошпарит слеза.
За грудки бы их взять
да в глаза заглянуть этим Каинам, –
Что при встрече
в своё оправдание смогут сказать?..

Ты шагнёшь на порог.
Грудь блеснёт орденами, медалями.
Ты сумел отвести
от родного порога беду
И позволил всем нам
жить спокойно под ясными далями.
Ты опять будешь биться
за это в полночном бреду.

И лишь руки любимой,
как ветра дыхание, нежные
Обовьют и прижмут,
губы тронут со шрамом висок…
Так скорее шагни на порог,

чтобы слышать по-прежнему,
Как звенит колокольчиком
дочки твоей голосок.

Белый Константин Владимирович – родился в 1971 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности биофизика. Кандидат педагогических наук. Российский спортсмен, тренер и спортивный организатор в области единоборств. Мастер спорта России по каратэ Кёкусинкай. Заслуженный тренер России. Член Союза журналистов и член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Цикл «С нами Бог!»

От Руси до Руси

Я иду в полотняной рубахе
по бескрайней бессмертной Руси.
Путь обычный – от веры до плахи,
через боль, через беды и страхи.
Он так труден, и так мало сил.

Водит óсолонь эта дорога –
так сложилось за тысячу лет:
от родного порога – до Бога,
от рождения и до чертога,
где рождается истины свет.

Не в послушники путь, не в монахи –
схиму с куколем мне не сносить.
Я иду в полотняной рубахе,
и следы остаются на прахе –
я иду от Руси до Руси.

С нами Бог

Нет, не окончена война.
Мы победили, но она
переоделась на бегу,
а мы поверили врагу.

Враг был лишён своих знамён,
он был повержен, но прощён –
ведь мы судили по себе,
а он готовился к борьбе.

Он знал, что это не финал.
Он долго, очень долго ждал,
когда его наступит час,
чтоб вновь войной пойти на нас.

Он делал всё исподтишка,
расчётливо и без смешка,
но улыбался нам в лицо –
и обманул, в конце концов.

И он дождался, маску снял –
и мы увидели оскал.
А он сказал нам: «Лишь дурак
забыл бы то, что враг есть враг!

Но до скончания веков
не станет меньше дураков.
И было, есть и будет так:
друг – это друг, враг – это враг».

Нас обманули в сотый раз,
но что с того, коль Бог за нас?
Ведь разве враг представить мог,
что с нами Бог? А Бог – есть Бог!

Великие певцы отчизны

Когда нас враг берёт на мушку,
шрапнелью по окопам бьёт,
мы знаем:
  где-то рядом Пушкин
готовит к бою огнемёт.

Мы знаем:
  Лермонтов к винтовке
приладил штык, и поспешил
патронный диск движеньем ловким
надеть на пулемёт Шукшин.

Мы знаем:
  выверил прицелы
у всех орудий граф Толстой,
и, взяв патронов ящик целый,
Жуковский встал в окоп пустой.

Мы знаем:
  снял предохранитель
Высоцкий, пробуя курок,
а Грибоедов, скинув китель,
за пулемёт станковый лёг.

Мы знаем:
  автомат свой смазал
Давыдов, и поднялся в рост,
а Гумилёв гранаты связкой
скрепил в букет смертельных роз.

Мы знаем:
  курит Маяковский,
но пистолет сейчас взведёт,
и в сумку медсестры полоски
бинтов Ахматова кладёт.

И знаем мы:
  во имя жизни
вступив за Русь Святую в бой,
Великие Певцы Отчизны
ведут в атаку за собой!

Леонтьева Светлана Геннадьевна – родилась в Свердловске. Окончила Свердловский электромеханический техникум и Горьковский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. Работала на Нижегородском телевидении. В настоящее время занимается предпринимательской деятельностью. Поэтесса, член Союза писателей России, главный редактор альманаха «Третья столица», автор более 30 книг. Руководила литературным клубом, была одним из издателей газеты «Автозавод литературный».

Живет и работает в Нижнем Новгороде.

Баллада

Пинком в живот и в спину «Шнеллер!»
Там
смерти фабрика,
там – ткацкие станки:
из кожи пленных шили кошельки,
а из младенческой заплаты на шинели.

Из золотых зубов – брелоки да крючки,
гордились серебристым опыленьем,
перчатки шили из военнопленных,
бюстгальтеры, плащи.
Беги, бели
из Ладсберга на юг, восток, туда,
где пахнет осенью безумно, плодоносно.
Есть бренд O'Stin, а есть писатель Остен,
который выжил там, где ад, беда!

В концлагере от фразы – «всем конец»,
какая страшная туда ведёт дорога.
Он выжил, и он был из тех, немногих,
чьё имя гордое и вечное – борец!

Какие бы слова катать в уме,
такие медные, стальные, словно плоскость,
но даже слово «смерть» звучит не жёстко,
когда об этом говорится мне.

Земля пусть жилы вытянет свои,
земля пусть камни все в песок промелет,
таких людей,
как Остен,
то есть – верный
с церковных переводов в наши дни
ищи на линии огня, на лбс,
в арте, пехоте, птичниках, сапёрах,
Они освобождали от фашни,
они всю эту гадость перетёрли.

Вот окунуться в космос бы лицом!
Как из пробирки звёздной Матерь солнцем
рожает чревом воинов-бойцов:
«Над болью встань своей» и вознесёшься!

* * *

Мне видно их: на лица белой пудрой
ложится снег и льётся перламутром,
а узники худые, до костей.
Ужели жалко дать гнилой похлёбки?
Ужели жалко спирта или водки?
Ужели жалко – постелить постель?

«Концлагерь» – слово из немецкой сходни,
такое стыдное – из ада, преисподни,
двадцатый век, чего с тобой стряслось?
Одно я слышу – дон-дон-дон – звук боли,
одно я слышу: как вскипает поле,
что из пшеничных состоит волос.

Отрезанные косы пали оземь,
из них шиньоны в кудрях немки носят,
с убитых женщин примотав пучок.
Вот в этом лагере убойном «Маутхаузен»
свершались пытки страшные и казни,
хранит тела, убитые, песок.

Убитые кричат: мы здесь! Мы близко!
Мы в этих стенах, в этих обелисках.
(Беру я листья – волглые и чистые –
в горсти сжимаю каждый лепесток…)

Не забывайте, люди, умоляю,
вот по стене, как луч, слеза скупая,
как будто бы стекает с серых плит.
Кричит, кричит, о как здесь всё кричит!
Вот этот колокол седой, как будто осень,
Какой же страшный этот крик войны…
Вот в этом месте был когда-то Остен –
непокорённый сын моей страны.

Шереверов Владимир Иванович (**Владимир Веров**) – родился в 1950 году, учился и работал в Ленинграде. Инженер, научный сотрудник, завлаб одного из ленинградских НИИ. Публиковался в сборниках докладов Международной ассоциации исторической психологии, сборниках докладов Философского факультета СПБ ГУ, в Ежегоднике «Мысль» Санкт-Петербургского философского общества. Автор нескольких поэтических сборников. Публикуется на многих страницах, порталах интернета под псевдонимом Владимир Веров.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Баллада о фронтовом шофёре

Посвящается шофёру Евгению Подлубному
(позывной «Калмык»),
награждённому Орденом Мужества
посмертно.

У мехвода танк – у него броня,
Пехотинцу не лень ползком.
А шофер – мишень посреди огня
Над колдобиной с «лепестком».
Ну какая в «буханке» броня от пуль.
Сверху коптеров до хрена.
Только это не повод не сесть за руль,
Потому что это война.
Потому что верят бойцы, что Он
Им доставит в условный час
Две канистры соляры, с водой баллон,
Сухпайки и боезапас.
И когда автомат полоснул в догон
По кабине струёй свинца.
Можно было в кювет и ползком, но Он
Был из тех, кто шёл до конца.
Он ушёл в занос и под визг колёс,
До упора нажал на газ.
И мотор взревел, уходя в разнос,
Но тянул как в последний раз.

Знал, что если заглохнет и встанет, то
Полыхнёт – не собрать костей.
Он скакал по ухабам почти под сто,
Отрываясь от ста смертей.
И к штабной землянке доставил Он
Без задержки, в условный час
Две канистры соляры, с водой баллон,
Сухпайки и боезапас.
Подавай назад! Приказал комбат,
За траншеями ближний бой.
Всех, кто может в строй, я уже собрал
И штабных повёл за собой.
Он же был шофёром – от сих до сих.
И в дороге хлебнул сполна,
Но решил: нельзя оставлять своих,
Потому что это война.
Потому что когда атакуют в лоб
Будешь всякой поддержке рад.
Он поставил УАЗ и пошёл в окоп,
Из кабины взяв автомат.

И с отсечкой на три давил курок,
Примостив автомат на край.
Слева крикнул боец: «Я пустой! Браток!
Если есть граната, бросай!»
Он швырнул гранату, привстав с броском,
И от пули уйти не смог.
И на дно окопа упал ничком,
Головой уткнувшись в песок.
Нам сказали потом, что накат был жесток
И была велика цена.
Что несли на руках, что ещё б чуток...
Что поделать, это война.

Передача

Передача это когда летом на даче,
В июньское воскресенье
Женька берёт подачу
И мяч взлетает над сеткой,
А рядом дерзкий и меткий,
Который с Женькою в паре,
Вытягивается в ударе.
Нет!
Передача это совсем иначе:
Когда в июньское воскресенье
У столба с тарелкой картонной,

Молча, как под иконой,
Прохожие в потрясении
Слушают Молотова
Про то, как «без объявленья...»
Нет!
Передача это совсем иначе:
Когда старуха сперва поплачет,
Затем копается в ридикюле,
Войдя в магазин особый,
Где купит коробку сдобы,
С витрины два мандарина
И горсть леденцов на сдачу.
А после спешит в больницу
С пакетом просить сестрицу
Пакет тот снести в палату,
Где парень в пижаме мятой,
Как только погаснет свет,
Стиснув зубы, без звука
Будет всю ночь баюкать,
Руку, которой нет.

Погорельцева Юлия Анатольевна – Член правления Московской областной организации Союза писателей России (МОО СП России), член Союза писателей России, Интернационального Союза писателей (ИСП), Международного союза поэтов (МСП), член Президиума и член-корреспондент Международной Академии Наук и Искусств (МАНИ). Лауреат множества российских и международных конкурсов. Удостоена медалей МОО СП России «Лев Котюков», «100 лет СССР» – за заслуги в области литературы. Автор 8 книг поэзии и прозы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Деревья войны

«Ведь если бы камень
так зверски били,
то он бы волком рычал
от боли».
Всеволод Остен, журналист, поэт, писатель

Деревья молча кричат от боли,
Их ветви – щепи покрыты пылью,
И пламя жалит, и пули колют,
А были б стаей, давно завыли.
Они бы рвали зубами в клочья,
Хватали жадно, плевали ядом,
Они бы били и днём и ночью,
Врагов – фашистов, поганых, стадо.
Жевали землю, псалмы глотая,
Да запивали дождём и потом…
…они как люди, закон и стая,
Мосты над гнусным глухим болотом.
И все деревья почти как люди,
Стоят до смерти, давясь от боли,

И защищают хребтом и грудью
Свою Отчизну, семью и волю.

Брусничник

Всё усыпано бусами алыми,
Вся густая земельная твердь,
Словно шепчут губами усталыми
Чьи-то павшие души про смерть...
Будто в венах багровых брусничников
Бьётся пульс поглощенных войной...
И в шершавых сосновых наличниках
Лица павших и заревом... бой.
В блиндажах и в траншеях запаянных,
Сшитых вместе гранатой врага,
Души тех, беззаветно отчаянных,
Не дошедших к своим... сорока...
И брусничник слезами кровавыми
Покрывает поляны и лес,
И земля поклоняется травами,
И багряным закаты небес...

На пути была война…

По заброшенной дороге,
отставляя чёрный след,
Шёл солдат – один из многих,
поседевший юный дед.
По спине струился липкий,
леденящий тело пот.
И сапог, худой и хлипкий,
черпал снег, как жадный рот.

Псом вгрызался в кости холод,
сквозь промерзшую шинель,
И крутил желудок голод
этих адовых недель.
До чего же путь тяжелый,
сквозь глухой колючий лес.
За спиной – винтовка колом:
с каждым шагом больше вес.

Снег по пояс временами,

где-то скован как бетон,
Скрип морозный разрывали
крики громкие ворон.
«Эх, сейчас вспорхнуть бы птицей,
над раскидистой сосной,
от войны в ветвях укрыться,
и от смерти заодно».

«Вижу цели!»... «Рота – к бою!»
«Слева снайпер – справа танк».
И над самой головою:
то ли Фриц, а может, Франк –
Юнкерс чёрный звуком зычным
смерти выпустил запас,
он смеётся истерично
и расстреливает нас…

Ели в клочья, сосны – в щепки,
вспышки, грохот, стоны, вой!
Окровавленная вечность,
Исторгаема войной.
Белый свет в мгновенье – чёрный,
небо скрыла пелена.
Шёл солдат вперёд, к Победе,
на пути была – война.

Петров Александр Васильевич – родился в 1959 году в шахтёрском посёлке Зверево Ростовской области. Закончил Киевский институт инженеров Гражданской Авиации. Служил в ВС СССР (РФ). Работал в авиакомпании «Аэрофлот». Член Московской областной организации СПР. Член ЛИТО «Ладога» в Лобне и «Логос» в Вильнюсе, РО МАПП в Вильнюсе, СЕПИ в Болгарии.

Живёт в Лобне Московской области.

Мемориал в Балтийске

Мемориал на западе страны,
На Балтике, на самой крайней точке,
Солдатам, не вернувшимся с войны.
Россия помнит о своих сыночках.

Десятки, сотни, тысячи имён,
Погибших здесь, при взятии Пиллау,
На чёрных плитах. Каждый был учтён.
Сложили головы, снискали славу.

Фамилии знакомые ищу,
Глаза скользят по бесконечью строчек,
Молитву, как умею, так шепчу…
Вдруг, перед взором, пролетел листочек.

Полёт, невольно, взглядом проводил.
К изножью монумента опустился
И возле фото старого застыл.
Как будто знак. Я долу опустился.

На нём боец, подстриженный под «ноль».

В глазах ещё живых застыла вечность.
Но скоро грянет бой и вспыхнет боль,
Душа умчит куда–то в бесконечность.

Меня в Балтийск давнишний друг привёз.
И надо же, на фото оказалась
Фамилия, что род Олега нёс!
Быть может, ветвь здесь сильная прервалась?

Ну, я бы понял Иванов, Петров.
На них стоит Россия и стояла!
Но лист спустился к фото – Бирюлёв!
Судьба перстом на что нам указала?

Мемориал в цветах любой порой.
Они живые, в память о погибших.
Герои спят под красною звездой.
Сон вечен их, в тени дерев поникших…

Героям операции «Поток»

Зев газовой трубы, как пасть пещеры,
Но загнан страх вглубь каждым из бойцов.
Они под знаменем надежды, веры
В него шагнули. Доля у «штурмов»

Идти вперёд, отбросив все сомненья,
В конце пути их встретит божий свет.
Ждёт Курская земля освобожденья.
Захватчикам не выжить, шансов нет!

Пройдут, дыша остатками метана,
Держа дистанцию, «пятёрками», во тьме.
Шепча молитвы, суры из Корана.
Бойцы сегодня – братья во Христе!

Ослабшему воды дать полстакана,
Питья по «полторашке» на двоих.
«Штурмы» идут, подобно каравану,
На смертный бой за павших, за родных.

Поход до «накопителей» продлится
В молчанье полном несколько часов.
«Вперёд, вперёд!» – нельзя остановиться!
Во имя славы дедов и отцов!

Спецназ «Ахмат», «Восток» и «Ветераны»,
Тридцатый полк, десант от ВДВ,

Бойцы – сапёры сто шестой бригады,
Морпехи…Сила собрана в трубе!

Все добровольцы, не самоубийцы!
Ждать до сигнала им четыре дня.
То ожиданье больше века длится.
И неизвестность давит сыновьям

На психику, сильнее дум о смерти.
Под Богом ходим все и, пав в бою,
Уверены, их не напрасны жертвы.
Погибнуть – честь, за Родину свою.

Пройдут трубой шестнадцать километров,
Неся БК, аптечки, кислород,
Не слышимы, как дуновенье ветра,
И у суджанских, вынырнув, ворот,

Переполох устроят украм знатный
И, панику пустив по их тылам,
Отсчёт начнут для выродков обратный.
За всё должны ответить по счетам!

За смерть гражданских, за разруху, горе –
Принесших это ждёт суровый суд!
У щірых, незадачливых «хероев»
Есть выход – плен. Не сдашься, так убьют!

В историю страны сей подвиг ратный
Войдёт теперь, как мужества пример,
Для новых поколений, благодарных.
Ведь «штурмовик» – солдат ли, офицер

Пожертвовать, победы ради, жизнью,
Присягу дав, единожды, готов!
Из стали парни, верные Отчизне,
Потомки вечной славы «мертвецов»

Из Осовца. Ваш дерзкий шаг в бессмертье
Основой станет повестей, кино.
Он тоже будет жить в веках, поверьте,
Как Сталинград и Брест, Бородино!

Моя Россия

Моя река – моя Россия!
Из глубины веков она,
Под небом бирюзово – синим,

Течёт надеждами полна.

Моя судьба – моя Россия!
Испила горя через край.
Не раз враждебная стихия
К ней обращалась: «Всё отдай!».

Моя любовь – моя Россия!
К тебе, в любые времена,
Душа тянулась и просилась.
Была всегда, во всём верна.

Моя мечта – моя Россия!
Хочу жила, чтоб вечно ты.
И, чтобы гимны возносили
Стране прозрачной чистоты.

Поляков Борис Борисович – родился в 1973 году в Челябинской области.

Член Российского союза профессиональных литераторов и Международной ассоциации русскоязычных литераторов. Поэт, прозаик и редактор. Участник и победитель многих литературных конкурсов.

Живёт в селе Таёжное Хабаровского края.

Алёнка

Уходит ночь на мягких лапах.
Алёнка встала до зари.

В командировку едет папа,
А вот куда – не говорит.

Он рюкзаки собрал в дорогу.
Всплакнула мама у окна.
Хотя Алёнке лет немного,
Совсем неглупая она

И понимает, что нескоро
Увидит папу своего.
Рассвет окутывает город
И за окошком – никого.

Проснулся папа и Алёнку
Так крепко обнял – не вдохнуть,
И взгляд отводит он в сторонку,
И шепчет ей, пора, мол, в путь.

Не отпускал бы дочку на пол,
Не подходил бы он к двери…
В командировку едет папа,
А вот куда – не говорит.

Только…

Спотыкался я, брат, и падал,
Только ты меня не жалей.
Глянь, гниёт в лесополке падаль,
Что пришла мочить москалей.

В автомате патронов хватит
И запала в груди полно,
Только не отключайся, братик –
Жить до старости суждено.

Довезут тебя, подлатают,
Медицине – двойной почёт…
Только дроны вокруг летают,
Только кровь, как вода, течёт…

Чепуха – всего три осколка,
У других – не могу смотреть.
Говори со мной, братец, только
И не вздумай тут умереть!

Неизбежно рассвет случится –
Независимо от войны.
Из окопа вспорхнула птица,

Только крылья её черны…

Крылья ангела

Друг, ты видел в небе чистом
Крылья ангела хоть раз?
Нет на фронте атеистов,
Верят кто во что горазд.

Кто-то бережно иконку
В свой военник положил,
А другой стоит в сторонке,
Что-то шепчет, просит сил…

И, насколько это важно,
Понимаешь только там.
Как без веры быть отважным?
В каждом сердце – Божий храм.

Боевой товарищ снова
Устремляет в небо взгляд…
Верю я, парней суровых
Крылья ангела хранят.

Добавить комментарий

Комментарии